

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
В АСПЕКТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДАНИИЛА ГРАНИНА
«МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ»)

Романенко С.М., кандидат филологических наук,
Казахстан, г. Петропавловск ФАО «НЦПК «Өрлеу» «ИПКПР по СКО»,

В настоящее время тема Великой Отечественной войны, даже реализованная в текстах названных классическими, трактуется по-разному. Мифологизация событий, человеческих характеров в художественных и публицистических произведениях уже создала достаточно устойчивую структуру, переосмысление элементов которой уже кажется кощунственным. Другая тенденция – очернение через снижение героических персонажей и знаковых событий, не имеющее ничего общего с объективностью. На наш взгляд, в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант» происходит демифологизация ключевых моделей культурного мифа [1] о войне, которая не приводит к их снижению или травестированию, но более того, подчеркивает героический и трагический характер изображаемого. В аспекте «разволшебствление» мифа о войне подвиг человека и народа не выглядит менее значительным, а жертва не оценивается как бесполезная.

Аргументировать настоящее мнение можно на основе анализа приемов героизации в тексте романа, но они достаточно очевидны и не вызывают разночтений. Мы предпринимаем попытку показать «разволшебствление» мифа о блокаде Ленинграда в контексте соборности сознания русского человека. Исследование художественного текста в настоящем аспекте нам представляется актуальным, поскольку затрагивает поэтику основных доминант духовности человека и его преобразования в экстремальных ситуациях. Проблемы, связанные с толпой и народом, единением и разобщенностью, индивидуализацией и дивидизацией, входят в круг вопросов, связанных с универсальным существованием, что тоже актуализирует поставленную задачу. Репрезентация соборности в литературном произведении изучена в работах И. Е. Есаулова, на наблюдения и выводы которого мы будем опираться в нашем исследовании. Следует отметить, что в романе Даниила Гранина возможно распознать не соборность в «чистом виде», а «подсознательную и заблудившуюся жажду соборности, её невозможно считать развитием православной соборности»[2]. «Жажда соборности», т.е. стремление к соборному единению, явлена у Д. Гранина как неременный атрибут ментальности русского и, в данном контексте, советского человека, атрофированный за годы советской власти.

Соборность - понятие синкретическое, одним из главных его составляющих является «Божественная благодать взаимной любви» (А.С.Хомяков). Уже на первых страницах романа автор и его герой обращаются к Богу, совсем ещё не осознавая, какую силу обретает человек,

ведомый Ангелом-Хранителем. Много позднее лейтенант Д. поймет, что на войне он, как блудный сын, просил защиты и помощи: в романе жена главного героя обратит его пристальное внимание на картину Рембрандта «Блудный сын» и громко скажет, что верит в свершившееся чудо.

Обоснованием присутствия в тексте «жажды соборности» как жажды духовной становится парадоксальная молитва главного героя, который в Бога не верил, но просил милости Божией. «Я молился. Я не знал ни одной молитвы. ...и тем не менее, я молился» [4]. Бытовые заботы – «про жратву, как бы поспать, отвертеться от работ» - занимали ум, но «безбожная» душа всё равно продолжала молиться, потому что «в окопах атеисты не водятся». Духовная жажда восполнялась частично: «Любовь! Бога у нас не было, его заменяла любовь, потом мой лейтенант узнает, что Бог это и есть любовь» [4]. Потом он узнает и то, «какую роль играла любовь в годы войны, любовь матери, любовь жены, скольких она спасла» [4].

Включенность в роман толстовского текста доказывает наличие мотива соборности в произведении. Диалог с автором эпопеи «Война и мир» современный писатель ведет именно с позиции осознания того, что далеко не всякое единство является соборным. Коллектив, толпа, семья, братское единение в полку, мир - темы, глубоко осмысленные и писателями, и российским литературоведением [3]. Опираясь на Толстого, Гранин заставляет своего героя переосмысливать себя и свои поступки, собственной судьбой доказывать правильность выводов о необходимости преобразования отношений к другому, как к самому себе. Нуждаясь в другом, человек сам становится опорой и таким образом связываются узлы, способные выдержать любую тяжесть. Единичность, оторванность воспринимается как неизменный источник страха, сковывающего и ум, и сердце человека. Названные категории универсальны для эпического мира, который можно обозначить как исток соборного мира, репрезентирующий «жажду соборности», земное единение, которое может стать основой единения духовного.

Прямое обращение к роману «Война и мир» Даниил Гранин использует, когда его герой пробует осмыслить отступление советских войск более всего похожее на бегство. Вольно или невольно он вспоминает об отступлении 1812 года, пытаясь найти для себя обоснование того, с чем пришлось столкнуться. «На экзамене в школе учительница спросила меня — почему Лев Николаевич Толстой в своей эпопее «Война и мир» описывает не нашу победу, как русские войска входят в Париж, разгром Наполеона?.. Был упадок воли, разочарование, беспомощность начальства, но стали открываться сокровища духа народного...». [4] В книге «Мой лейтенант» автор ищет ответ на вопросы, каким образом поражение может обернуться победой, что должно произойти, чтобы открылись духовные возможности, позволяющие говорить о чуде и преобразении.

Актуализирована в романе «Мой лейтенант», как и у Л.Толстого, тема толпы, механизм возникновения столпотворения и мотивированы действия хаотично движущейся массы. Одним из важных стимулов возникновения толпы является страх, превращающий людей в подобие зверей. «Страх на войне присутствует всегда. Он сопровождает и бывалых солдат, они знают, чего следует опасаться, как вести себя, знают, что страх отнимает силы» [4]. Следствием парализации воли было бегство: «Бежали в тыл, мчались, не разбирая дороги, лишь бы выбраться из окружения»[4]. Быть смятым, сломанным толпой рисковал каждый, «наглядное зрелище всеобщего отступления, картина, которая напоминала огромное полотно Брюллова «Последний день Помпеи» [4]. Страх делал с людьми то, что обычно называют «озверением», тяжесть становилась невыносимой: «Шинель, винтовка, даже шапка становились с каждым днем тяжелее. Все становилось тяжелее, кроме пайки хлеба» [4]. Однако пугались «до исчезновения личности» (Д.Гранин) далеко не все. Желание сохранить личностные, человеческие свойства и стимулировало в людях «жажду соборности». Неслучайно Гранин создает портреты не только «живых трупов», но и персонажей, репрезентирующих высокую духовность как в окопном быту, так и в «философических» беседах. Роман «густонаселен» людьми в самом высоком понимании этого слова. Внимание к человеку стало для повествователя своеобразным мерилom нравственной ценности поступка или события, поскольку в эпическом мире каждый важен, нет лишних или ненужных. В российской армии в 1812 году сложилось удивительное духовное единство, явленное перед иконой Божией Матери и на Бородинском поле, неуничтожимое даже смертью. Солдаты, оборонявшие Ленинград, жаждали этого обретения, как жаждут хлеба и воды.

И. Е. Есаулов, анализируя соборность в «Слове о законе и Благодати митрополита Иллариона», отмечает: «Образное уподобление духовной сущности земной, *объяснение* посредством такого уподобления, может быть, не случайно тесно связано с водной стихией. В этом уподоблении имплицитно присутствует водное *крещение*. Вода часто в тексте “Слова” противопоставляется безблагодатной сухости» [5]. В романе «Война и мир» все помнят изнуряющую жару, которая воцарилась перед Бородинским сражением и благодатное омовение в пруду солдат полка князя Андрея, разрешившего купание измученным зноем и пылью людям. Даниил Гранин тоже отмечает безблагодатную сухость, которая сопровождает отступающих ополченцев: «Адова жарыща никак не подходила на обычное наше северное лето... Пыль и та была горячей... Земля спеклась, рыли ее так и эдак, чтобы докопаться до сырой мякоти» [4]. Однако в «Моем лейтенанте» и вода безблагодатна: окопы и траншеи, залитые водой, становились местом погребения, чистая вода была просто недосыгаема, и солдаты пили протухшую и вонючую жидкость, немногим отличаясь от гибнущих в блокадном Ленинграде. Изменение архетипического мотива лишь внешнее, под Ленинградом боевое крещение часто означало смерть.

Но чудо от Бога совершается именно в душах людей, защитников Отечества: не государства, не закона, а Родины. Положиться на волю Божию отнюдь не означает отказаться от выполнения своего долга, потому и войну за отечество именуют священной. Упадок воли, разочарование, беспомощность командиров, - всё это было и под Ленинградом, но не будь блокадного противостояния, возможно, и не открылись бы «сокровища духа народного».

«Жажда соборности» по благодати творила чудеса: «У майора был свой план. Собрать в единую армию всех красноармейцев разбитых частей,» - пишет повествователь «Моего лейтенанта». «Разбитые» начинали «сопрягаться», обретать силу, которая превозмогла не только силу врага, но и голод, холод, жару, враньё, саму смерть. «Смерть работала в окопах, в городе, это от немцев, а еще от своих — особисты, трибуналы. Откуда дырку получишь — без разницы. Счастливое время, опасность *сплотила* всех, и вдруг *все всем поверили*... Блокада открывала человеку, каков он, что он способен выдержать и не расчеловечиться. Блокада отделяла Ленинград от страны и от власти... Здесь жили по другим неписанным законам» [4]. На место страха пришла решимость и мужество: «Жизнь фронтовая, она не для грусти, уныния и прочих нюансов» [4]. Духовное единение, обретение, казалось бы, утраченного чувства родины, братской любви, милости к падшим позволило не только отстоять город, но «не расчеловечиться», стать народом, а не толпой. «Сокровища духа народного» были открыты, обозначив путь к обретению абсолютного соборного чувства.

Литература:

1. См. об этом: Романенко С.М. Особенности изучения литературного мифа. Петропавловск, 2008.
2. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1938. С.275. В кн.: Есаулов И.Е. Категория соборности в русской литературе // <http://www.jesaulov.narod.ru>
3. Подробную библиографию темы приводит Есаулов И.Е. на сайте jesaulov.narod.ru
4. Текст романа Д. Гранина «Мой лейтенант» цитируется по книге, размещенной по адресу http://royallib.com/read/granin_daniil/moy_leytenant.html#0
5. Есаулов И.Е. Категория соборности в русской литературе // <http://www.jesaulov.narod.ru>